

Лань Лин, раззадоренный недавним появлением своего двойника, невольно вспомнил недавний бой с Бай Цзюй.

Поразмыслив немного, он не удержался и спросил:

— Капитан Бай, неужели я действительно настолько слаб?

Бай Цзюй бросил на него беглый взгляд и ответил равнодушным тоном:

— О чем ты думаешь? Я вел себя так лишь для того, чтобы пробудить твой скрытый потенциал.

Лань Лин не поднял головы, всем своим видом показывая, что полон сомнений.

Увидев это, Бай Цзюй приподнял бровь:

— Хочешь услышать правду?

Лань Лин кивнул и встретился взглядом с глазами Бай Цзюя.

Бай Цзюй помолчал, собираясь с мыслями, а затем произнес:

— Твоя сфера и умение обращаться с ледяной стихией на высоте. Это результат глубокого понимания своей природы. В бою ты выглядишь вполне достойно, но твое владение клинком и техника пока лишь на начальном уровне. Ты едва справляешься с тем, чтобы объединить все навыки воедино, и лишь редкие озарения позволяют тебе добиться неожиданного эффекта.

Он сделал паузу и продолжил:

— До уровня мастера, гроссмейстера или патриарха тебе еще очень далеко. Ты тренировался только со мной, не проходя через настоящие схватки не на жизнь, а на смерть. Если бы ты столкнулся с настоящим мастером или убийцей, прошедшим через кровавую резню, чей опыт в разы превосходит твой, тебя бы просто раздавили. Раньше ты сражался со мной на равных лишь потому, что успел привыкнуть к моим приемам. Поставь против тебя кого-то другого, равного мне по силе в тот момент, и ты снова окажешься в невыгодном положении. Твой талант велик, ты способен учиться прямо в процессе боя, но в реальной схватке никто не даст тебе на это времени.

Лань Лин замер, его брови нахмурились еще сильнее.

Бай Цзюй взглянул на него, добавив в голос нотку насмешки:

— К тому же тогда я использовал лишь пятьдесят процентов своей силы. Не смотри, что я обычно строг, я человек слова. Сказал пятьдесят — значит пятьдесят, ни на йоту больше. Я намеренно ограничил свою технику начальным уровнем. Хотя при пробуждении твоего потенциала я задействовал восемьдесят процентов своей жизненной энергии, все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы случайно тебя не убить. А когда в конце ты

окружил меня толпой двойников, я использовал лишь половину своего боевого опыта — то есть уровень, близкий к мастерскому, хотя мой истинный предел чуть ниже гроссмейстерского. И даже когда я поднял интенсивность энергии до восьмидесяти процентов, я все равно поддавался и не выложился полностью. И какой итог? Ты все равно не смог меня одолеть.

Лань Лин опустил голову и крепко сжал кулаки.

Тон Бай Цзюя немного смягчился:

— Хоть ты и был измотан, я действительно сильно сдерживался. Если бы с самого начала я применил восемьдесят процентов силы, не ограничивал технику и сражался с полным использованием реального опыта, ты должен понимать, чем бы все закончилось. Я научил тебя всему, чему мог. Остальное — за тобой: тебе нужно все это осмыслить и пропустить через призму собственного понимания. Как трава и огромное дерево: они оба пьют дождевую воду и растут на одном лугу, но они совершенно разные.

Бай Цзюй похлопал Лань Лина по плечу, ободряюще добавив:

— Твоя нынешняя сила составляет примерно шестьдесят-семьдесят процентов от моей. Ты быстро растешь, но техника — это другое. Ее рост не суммируется, он качественный. В схватке мастеров исход зачастую решают один-два ключевых приема. И именно на них ты сейчас и проигрываешь.

Он прямо посмотрел Лань Лину в глаза и серьезно сказал:

— Не забивай себе голову. Твое владение клинком и техника уже хороши, теперь нужно время, чтобы их отточить. Моя сила велика, но до уровня патриарха мне далеко. Да и возраст уже не тот, мне гораздо сложнее расти, чем тебе. Но помни: сила — это одно, а ум — совсем другое. Не все будут так же сдерживаться, как я, ожидая, пока ты совершишь прорыв прямо в бою. Если встретишь противника, которого не можешь одолеть — не упираться, просто беги. В этом нет ничего постыдного. Пока целы горы, всегда найдутся дрова для костра.

Лань Лин глубоко вдохнул и торжественно кивнул:

— Я понял, капитан Бай. Я запомню ваши слова.

Бай Цзюй улыбнулся, в его голосе прозвучало облегчение:

— Ладно, иди ешь. После завтрака мне еще нужно идти в патруль.

После завтрака Бай Цзюй потерял все еще ноющий зад и зашагал к отряду патрульных. Проводив его взглядом, Лань Лин закрыл глаза, пытаясь почувствовать свою жизненную энергию.

— Лань Сюаньюй... — тихо позвал он про себя, желая узнать, существует ли Лань Сюаньюй, если не использовать технику разделения.

Однако в ответ была лишь тишина. Лань Лин применил технику, и после легкого синего мерцания перед ним медленно возникла фигура Лань Сюаньюя.

— Старый вор, ты что, так быстро вспомнил обо мне, когда понадобилось что-то хорошее? — Лань Сюаньюй приподнял бровь, в его тоне сквозила насмешка.

Лань Лин опешил:

— Э-э...

Увидев такое выражение лица, Лань Сюаньюй огляделся по сторонам. Заметив, что они все в том же месте, он озадаченно спросил:

— Сейчас который час? Почему мне кажется, что я все еще там же, где и был?

Лань Лин почесал затылок и неловко ответил:

— Э-э... прошло около десяти минут с тех пор, как ты исчез. Тебе не кажется, мы действительно на том же месте.

Лань Сюаньюй даже не сразу нашелся что ответить:

— Десять минут? Старый вор, так зачем ты меня вызвал?

Лань Лин отмахнулся:

— Да нет... я просто проверял, смогу ли призвать тебя.

Лань Сюаньюй закатил глаза, а затем на его лице появилась плутовская ухмылка:

— Эх, раз уж дел нет, может, возьмешь меня с собой к племени Львов-Тигров? С нашей-то внешностью мы точно сможем...

Не успел он договорить, как Лань Лин взмахнул рукой и отправил его обратно. Он хотел лишь убедиться, может ли Лань Сюаньюй воспринимать внешний мир без призыва. Теперь стало ясно: кажется, вне призыва его не существует.

Тем временем Бай Цзюй направлялся к патрульным.

— Надеюсь, эти щенки еще не слышали о вчерашнем, а то мне будет стыдно им в глаза смотреть.

Однако, не успел он подойти, как услышал приглушенный смех своих подчиненных, перемежающийся с колкостями.

— Эй, как думаете, капитан сегодня сможет нормально ходить?

— Кто знает, но судя по его походке, вряд ли!

Бай Цзюй подошел ближе, его лицо мгновенно почернело. Подчиненные тут же умолкли, но на лицах все еще играли усмешки, а в глазах читалось озорство.

— Чего ржете, идиоты! Живо в патруль!! — Бай Цзюй сделал вид, что разгневан, и грозно взмахнул рукой, пытаясь вернуть себе авторитет капитана.

— Есть, капитан! — хором ответили патрульные.

Они начали расходиться, и один из них, ухмыляясь, подошел к нему:

— Капитан, может, сегодня не пойдете в патруль? Я возьму ваш участок на себя, чтобы вы там ничего себе не потянули...

Бай Цзюй вытаращил глаза, но не успел он взорваться, как солдат уже был таков. Остальные тоже с хохотом разбежались, оставив Бай Цзюя стоять в одиночестве.

— Мелкие паршивцы, совсем страх потеряли! — проворчал он себе под нос, но уголки его губ невольно дернулись в беспомощной улыбке.

Сидя в комнате отдыха патрульной службы, он огляделся и, убедившись, что никого нет, направился в туалет. В руках он сжимал маленькую баночку с мазью, на лице блуждала горькая усмешка. Закрыв дверь, он осторожно снял штаны.

— Все возился с этим пацаном, а сам даже мазью не намазался.

Бай Цзюй зачерпнул немного мази и потянулся назад. Вчера он ограничил свою силу, чтобы все было честно, и в итоге оказался весь в синяках. Любое движение отдавалось болью. Вчера он потратил полдня на лечение, и если с другими местами проблем не было, то вот с этим...

— А-ах... каждое движение как ножом по животу. Нельзя просить того пацана помочь, иначе как я потом буду его тренировать? Он же засмеет меня до смерти. А эти щенки из отряда? И так позорище, если они увидят — авторитета как не бывало.

В этот момент Чу Лянгун направлялся к патрульным. Он почти закончил собирать материалы и собирался уйти в затворничество для подготовки магического массива. Он хотел поговорить с Бай Цзюем о Лань Лине и заодно немного его поучить. Войдя во двор, он увидел смеющихся солдат.

Он подошел к одному из них и спросил:

— Ваш капитан Бай Цзюй здесь?

Солдат поднял голову и, узнав патриарха, вытянулся во фрунт:

— Патриарх, капитан только что закончил разнос и ушел в комнату отдыха, должен быть там.

Чу Лянгун кивнул, поблагодарил его и направился к комнате отдыха. Толкнув дверь, он обнаружил, что внутри пусто, лишь дверь в туалет плотно закрыта. Нахмурившись, он решил, что Бай Цзюй там, и постучал.

— Бай Цзюй, ты здесь? Мне нужно срочно с тобой поговорить.

Не успел он закончить, как из туалета донесся шум, будто что-то опрокинули.

Голос Бай Цзюя прозвучал встревоженно:

— Подождите! Сейчас выйду!

Однако в этот самый момент старая, расшатанная дверь туалета внезапно поддалась. Рука Чу Лянгуна, лежавшая на ручке, невольно толкнула ее, и дверь со скрипом отворилась.

Картина перед глазами заставила его лишиться дара речи: Бай Цзюй стоял спиной к двери, штаны спущены до колен, в руках баночка с мазью, и он осторожно пытался нанести ее на зад.

Услышав скрип, Бай Цзюй резко обернулся, его лицо мгновенно залилось краской.

— Патриарх?! — его голос сорвался на визг. В панике он попытался натянуть штаны, но резкое движение отозвалось болью в ране, и он судорожно охнул: — А-ах!

Чу Лянгун тоже замер, не зная, что сказать. Он инстинктивно отступил на шаг и неловко кашлянул:

— Кхм... это... я ничего не видел, продолжай, продолжай...

Он уже собирался закрыть дверь, но Бай Цзюй вдруг окликнул его, в голосе слышались смущение и беспомощность:

— Патриарх, можете помочь намазать? Я потянулся, и теперь мышцу свело...

Чу Лянгун помедлил, тяжело вздохнул и, наконец, помог Бай Цзюю дойти до кровати в комнате отдыха. Он запер дверь, взял мазь и постарался сохранить спокойный тон:

— Лежи смирно, не дергайся.

Бай Цзюй неловко кивнул и осторожно лег на живот, спрятав лицо в руках. Уши его все еще пылали. В комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь дыханием двух звероловцев, атмосфера была до крайности неловкой.

Чу Лянгун, нанося мазь, деланно спокойным голосом произнес:

— В следующий раз говори сразу. Не нужно геройствовать.

Бай Цзюй глухо промычал в ответ, едва слышно. Прошло немного времени, и Чу Лянгун снова нарушил тишину:

— Ты обдумал то, о чем мы говорили в прошлый раз?

Бай Цзюй помолчал, а затем тихо ответил:

— Я хочу сначала довести до ума Лань Лина. Если людей будет совсем не хватать, я соглашусь.

Чу Лянгун не прекращал движений, в его голосе прозвучали нотки сочувствия:

— На жизненном пути невозможно сделать каждый шаг верным. Если выбрал неверно — значит, выбрал. Не нужно жалеть об этом снова и снова, не вини себя прежнего. Ведь тогда он стоял в тумане и был точно так же растерян. Поэтому не оглядывайся назад. Розы в этом году отцвели, но на следующий год распустятся снова, и рядом всегда будет кто-то, кто разделит с тобой другие пейзажи.

Он убрал баночку и похлопал Бай Цзюя по плечу:

— Прошное не вернуть, но будущее можно изменить. Будь храбрым, иди вперед, не оглядывайся. Ты не одинок.

Бай Цзюй долго молчал, а потом решительно кивнул:

— Патриарх, я понял. Спасибо вам. Как только Лань Лин окрепнет, мне пора будет отпустить прошлое.

Чу Лянгун улыбнулся:

— На самом деле я пришел сегодня именно из-за Лань Лина.

При упоминании имени Лань Лина Бай Цзюй оживился. Он приподнялся на локтях:

— Патриарх, вы не поверите, вчера я его так отделал, что он взял и пробудился! Его выступление было выдающимся, можно сказать, он лучший за всю историю нашего племени Львов-Тигров...

Однако Чу Лянгун прервал его:

— Я видел.

Бай Цзюй опешил:

— А?

Чу Лянгун вздохнул:

— Я пришел, когда вы только начали, и видел весь процесс. Бай Цзюй, я знаю, что ты желаешь ему добра, но задумывался ли ты об одном вопросе? Его сила совершила скачок, но характер остался прежним.

Бай Цзюй на мгновение задумался, нахмурившись:

— Патриарх, вы хотите сказать...

Голос Чу Лянгуна стал строгим:

— Я хочу сказать: что будет, если однажды его талант исчезнет, или если окружающие начнут его сторониться, или если кто-то воспользуется его простодушием, чтобы обмануть? Сейчас он как трехлетний ребенок с огромным тесаком в руках: кому скажут рубить, того он и зарубит. Ты думал об этом? Его разум слишком чист, он легко может свернуть не на ту дорожку.

Бай Цзюй опустил голову, его голос звучал неуверенно:

— Патриарх, вы правы, я действительно упустил этот момент. Но для закалки характера нужно время, я займусь этим позже. Сейчас важнее перемены в силе, ведь мы не знаем, когда придут враги.

Чу Лянгун тяжело вздохнул:

— Разве ты сам когда-то не был таким? Игнорировал воспитание духа, в итоге товарищи переживали за тебя, а ты их не замечал, думая, что все можешь сам. И к чему это привело... к такой трагедии. Столько лет ты боролся с собой. Если бы тебе дали второй шанс, ты бы точно не допустил такого. Но задумывался ли ты, что смотришь на ситуацию со своей колокольни? С твоей точки зрения закалить характер легко, ты просто раньше этого не замечал. Но ты уже прошел через это, а Лань Лин — нет.

Он привел пример:

— Например, если я прикажу тебе за три дня полностью овладеть моей техникойковки, ты справишься? Я ковал десятилетиями: от первых простых поделок, на которые уходили дни, до нынешних изделий, на которые уходит меньше часа. Разница между этим — не только талант, но прежде всего время. Время заставит тебя пройти через все и осознать все, но в самом начале оно не даст тебе всего сразу. После моих долгих наставлений ты только сейчас все понял, так что дай этому ребенку время, не позволяй ему идти по твоим стопам. Иногда идти медленнее — не значит идти плохо.

Бай Цзюй долго молчал и наконец произнес:

— Патриарх, я понял.

Чу Лянгун встал и похлопал Бай Цзюя по плечу:

— Дай маленькому Лань Линю отдохнуть несколько дней, а потом я сам займусь его обучением. А ты заодно подумай, как после стольких лет безделья начать стараться. Я как исполняющий обязанности патриарха постоянно мучаюсь от головной боли: Сяо Жэнь из-за брата изменился, а Сяо Лань ничего не понимает. Оба почти как дети, и когда они вырастут — неизвестно. Постарайся уже, возьми на себя часть дел, а то я за месяц кую меньше, чем раньше за неделю.

На лице Бай Цзюя отразилось смущение. Чу Лянгун, заметив это, сухо кашлянул:

— Кхм, шучу. Не хочешь — не надо. Главное, хватит бездельничать. У тебя еще много времени, не дави на себя так сильно.

С этими словами он развернулся и ушел, оставив Бай Цзюя в одиночестве. Прошло много времени, подул легкий ветерок, и уголки губ Бай Цзюя невольно поползли вверх.

— Что ж, закалить его характер тоже неплохо. Будет больше понимать — не дадут себя обмануть. Как вернется, надо будет сводить его на настоящую охоту, научить, как выживать в этом мире.

Он поднял голову, в его взгляде появилась твердость:

— Столько времени я был в тумане, пора бы уже взять себя в руки.

Скинув груз с души, он почувствовал легкость. Бай Цзюй вдруг вспомнил поведение Чу Лянгуна и не сдержал смеха:

— Дядюшка Чу раньше всегда ходил с такой кислой миной, а теперь выдает такие вещи, удивительно.

Он встал и, подражая тону Чу Лянгуна, нарочито легко произнес:

— Я пошутил. — А затем напустил на себя важность и махнул рукой, имитируя нетерпение патриарха: — Иди, иди... не мешай мне. Пф-ха-ха! Это что, результат воспитания патриарха Бай У?

Бай Цзюй расхохотался, но от резкого движения боль в ране вернулась, и он судорожно охнул:

— Ой, опять задел.

Он, корчась от боли, сел обратно и потер ноющее место, беспомощно вздохнув:

— Видимо, придется еще немного посидеть. Этот Лань Сюаньюй, в следующий раз заставлю его стирать мои штаны.

<http://bllate.org/book/22433/2356028>